

СУД И ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (1864–1917 гг.)

Обосновывается тезис, что после судебной реформы 1864 г. участие суда в исполнительном производстве сводилось в основном к осуществлению предварительного и последующего контроля за деятельностью судебных приставов. Такая ограниченная роль суда в исполнительном производстве в совокупности с отсутствием четкой концепции отделения органов принудительного исполнения от судов породили дублирование полномочий суда и судебных приставов, большое число формальных процедур. Делается вывод о необходимости более тесной связи между судом, постановившим решение, и его исполнением. Такой вариант институционализации функций суда в исполнительном производстве является наиболее предпочтительным для отечественной системы принудительного исполнения юрисдикционных актов.

V. Zakharov

THE COURT AND EXECUTION OF JUDICIAL DECISIONS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA (1864–1917)

The article proves the fact that after the judicial reform of 1864 the role of the court in the executory process consisted generally in realisation of preliminary and successive control over the activity of justice officers. Such a limited role of the court in the executory process combined with the absence of an exact conception of forced execution institutions' separation from courts caused doubling of credentials of the court and justice officers and increased the number of formal procedures. The author of the article makes a conclusion about the necessity of a closer connection between the court that makes a decision and its execution. This variant of institutionalisation of the court's functions in the executory process is considered to be more preferable for the Russian system of forced execution of jurisdictional acts.

Исполнение судебных решений представляет собой важнейший участок правовой практики, который отражает эффективность всего механизма правового регулирования. Во второй половине XIX – начале XX в. исполнение судебных решений регламентировалось Уставом гражданского судопроизводства (далее – УГС)¹. Он представлял собой современный закон, разработанный с учетом не только российских условий, но и зарубежного опыта организации исполнения юрисдикционных актов. Устав совершил революционную перестройку исполнительного производства, изъяв его из компетенции исполнительной власти и передав в ведение суда. Однако последний не должен был сам заниматься исполнением вынесенных решений. Для этого учреждались специальные должностные лица – судебные приставы, – на которых и возлагалась обязанность производить исполнительные действия.

Судебные приставы действовали от своего имени и под свою ответственность. Они должны были опираться на действовавшее законодательство, а при наличии в нем пробелов принимали решения на основе собственного толкования смысла нормативного акта. Суды по закону не обязаны были наблюдать за тем, как их решения приводятся в исполнение (ст. 925 УГС). В связи с этим приставу был предоставлен достаточно широкий круг прав, что, в свою

очередь, дало основание некоторым процессуалистам утверждать о «вхождении в деятельность судебного пристава элементов чисто судебного свойства, вызывающих его на размышление и разрешение правовых вопросов»².

Получалось, с одной стороны, органы исполнения состояли при суде, а с другой – суд не вправе был непосредственно организовывать их работу. В силу этого результативность деятельности судебных приставов напрямую зависела от эффективности судебного контроля. Рассмотрим, как решалась данная проблема в русском законодательстве второй половины XIX – начала XX в. Обращение к историческому опыту крайне важно не только для выявления и аккумуляции традиций отечественной системы исполнения судебных решений в целях дальнейших парадигмоформирующих исследований. Специальное изучение роли суда в процессе исполнения юрисдикционных актов позволит определить и учесть недостатки и преимущества действовавших ранее моделей исполнения с учетом особенностей существовавших правовых и иных общественных отношений.

На стадии возбуждения и подготовки исполнения судебного решения полагалось обеспечить правомерное возникновение процесса исполнения судебных решений и его необходимое обеспечение. Еще в процессе разбирательства дела суд мог прини-

мать решения, направленные на создание условий для реального исполнения будущего решения посредством обеспечения иска. Также именно суд принимал решение об отсрочке или рассрочке исполнения. Правда, этот институт был введен в отечественное законодательство только в годы Первой мировой войны. В соответствии с принятым в 1915 г. законом, суды первой и второй инстанций имели право предоставить отсрочку или рассрочку ответчикам на срок не более шести месяцев³. Ответчик, которому «особенно затруднительно» немедленное исполнение обязательства мог до постановления решения судом первой или второй инстанции возбудить ходатайство об отсрочке или рассрочке исполнения. Если суд находил это ходатайство заслуживающим удовлетворения, то выносил постановление об отсрочке или рассрочке исполнения на время не свыше шести месяцев. Это постановление включалось в решение и не подлежало обжалованию.

Исполнительное производство возбуждалось предъявлением исполнительных документов к взысканию. Основным исполнительным документом был исполнительный лист. Он выдавался судом, вынесшим решение в одном экземпляре, за исключением случаев, когда в процессе участвовало несколько лиц, или когда выносилось решение о передаче истцу натурой нескольких имуществ ответчика (ст. 929–931 УГС). Это правило вызывало на практике большие неудобства для взыскателя при одновременном обращении взыскания, например, на несколько имений, особенно, находящихся в местностях, подведомственных разным судам. Ему приходилось поочередно предъявлять исполнительный лист разным судебным приставам, что приводило к затягиванию исполнения и давало возможность должнику скрыть имущество.

Судом выдавался и дубликат исполнительного листа. Для его получения полагалось подать просьбу о выдаче копии в суд, который вызывает для дачи объяснений должника. При этом взыскатель мог не до-

казывать уничтожение исполнительного листа. Но должнику предоставлялось право возражать против ходатайства взыскателя и доказывать факт утраты силы исполнительного листа по причине исполнения решения, истечения срока давности и т. п.⁴

В исполнительном листе помимо формальных сведений о суде, сторонах, предмете иска прописывалась буквально сущность решения, подлежащего исполнению. Непосредственные вопросы исполнения, т. е. его способ, порядок и сроки, не затрагивались в исполнительном листе. Единственное, что присутствовало в документе — отдельные признаки имущества. Например, размер имения, губерния, уезд и участок, где оно находилось. Заметим, что в дореформенный период суды, вынося решение, должны были указывать и способы их исполнения. Авторы судебных уставов отказались от такой практики. В соответствии со ст. 935 и 948 УГС избрание одного или нескольких способов приведения решения в исполнение предоставлялось взыскателю, и суд не вправе был его ограничивать указанием того имущества должника, на которое могло быть обращено взыскание. Таким образом, законодатель пытался согласовать исполнительное производство с принципом состязательности и одновременно повысить оперативность исполнения, полагая, что взыскателю лучше известно имущественное положение должника.

Исполнительный лист предъявлялся взыскателем председателю суда для назначения судебного пристава. На практике это правило превратилось в пустую формальность, крайне невыгодную для взыскателя, поскольку последний был нередко ближе к приставу, чем к суду, и поездки за подписью председателя и обратно, а потом еще и к приставу, требовали больших моральных и материальных затрат. К этому следует добавить, что в некоторых судах незаконно взимались пошлины за резолюцию председателя⁵. В связи с этим вполне обоснованно звучали предложения предоставить всем взыскателям возможность непосред-

редственно передавать исполнительные документы приставам, что практиковалось в мировых судах⁶.

Приступая к исполнительным действиям, судебный пристав сообщал председателю суда об избранном способе производства. Цель этого действия состояла в том, чтобы исключить ошибки на начальной стадии исполнительного производства, но на практике данные отчеты были бессмысленны. Председателю суда было безразлично, какой способ взыскания избрал взыскатель, тем более, что повлиять на этот выбор он не имел права. В результате производилась бесцельная переписка, обременявшая судебных приставов.

Основным этапом исполнительного производства являлось осуществление принудительного исполнения. Исполнительные действия начинались с уведомления должника. Закон создавал все необходимые условия для того, чтобы оба основных участника исполнительного производства находились в месте осуществления исполнительных действий и следили за действиями судебного пристава. Данное требование закона в большей степени было накладно взыскателю, поскольку ему приходилось часто находиться не по месту своего постоянного жительства. И чтобы «не прожитья», выжидая окончания дела, некоторые иногородние взыскатели уступали «присужденные претензии за половину цены, или даже за треть ее кому-либо из местных жителей»⁷.

Должнику сначала предоставлялся срок для добровольного исполнения решения. Если он не исполнял судебный акт после истечения этого срока, пристав сразу приступал к реализации решения. В соответствии со ст. 952 УГС он не имел права отлагать исполнение, а в дальнейшем прекращать его или приостанавливать. Последнее пристав мог сделать только в прямо оговоренных случаях: на основании определения суда; по письменному заявлению взыскателя; по требованию должника, представившему письменное согласие взыскателя; в случае смерти должника во время испол-

нения решения — впредь до назначения опекуна или до утверждения наследников к имуществу умершего.

Участие суда в стадии осуществления мер принудительного исполнения различалось в зависимости от характера способов исполнения. В связи с этим рассмотрим основные меры принудительного исполнения — обращение взыскания на движимое и недвижимое имущество.

Обращение взыскания на движимое имущество начиналось с наложения ареста, включавшего составление описи имущества и его оценки. Судебный пристав извещал должника о сроке наложения ареста, потом по специальным правилам (ст. 973–974 УГС) определял имущество, подлежащее аресту. В завершении процедуры пристав составлял опись и организовывал оценку арестованных вещей. Право оценки предоставлялось взыскателю. Когда же тот не являлся, то оценку производил должник. Считалось, что должник склонен завышать стоимость вещей, чтобы как можно меньше их подверглось аресту, а взыскатель заинтересован в определении точной стоимости, так как при высокой цене он мог не продать имущество, а при низкой — не покрыть полностью свое взыскание. Однако на практике оказалось, что взыскателю тоже было выгодно устанавливать низкую цену, потому что в случае, если имущество не было продано, он оставлял за собой (на основании ст. 1063 УГС) большое число вещей. Однако зачастую между сторонами возникали споры о стоимости имущества⁸, и поэтому для оценки приглашались эксперты.

Важным актом процесса наложения взыскания на движимое имущество была его продажа. Место и срок последней определялись сразу после завершения оценки. Закон предоставлял возможность взыскателю и должнику самим, на основе взаимного соглашения, и учитывая собственные интересы, назначить место и срок продажи, вплоть до переноса торгов в другую местность, где возможен лучший сбыт. Если этого не происходило, то пристав сам

определял место и срок торгов. Производство самого торгового также входило в компетенцию судебного пристава.

Порядок обращения взысканий на недвижимость имел заметные особенности. Одновременно с уведомлением должника об исполнении на недвижимое имущество «налагалось запрещение». Запрещение — это распоряжение суда о недопустимости залога и отчуждения недвижимости вплоть до взноса положенной кредиторам суммы. По истечении двух месяцев могла быть назначена опись имущества, но конкретную дату определял взыскатель, который таким образом выбирал выгодное с его точки зрения время продажи недвижимости. Эта норма позволяла взыскателю намеренно откладывать опись, и между наложением запрещения и продажей имущества проходило порой несколько лет.

Опись производилась судебным приставом, который должен был точно описывать все, от чего зависела стоимость имущества. К моменту окончания описи взыскатель, должник или эксперты определяли цену имущества. Пристав отправлял все составленные документы в суд, при котором производилась продажа имущества. Суд назначал одного из судебных приставов для производства торгов. Этот судебный пристав, получив необходимые материалы, определял день торгового в строгом соответствии с расписанием, которое утверждало Министерство внутренних дел по согласованию с министерствами финансов и юстиции⁹.

После проведения взыскания пристав распределял полученные средства, что являлось заключительным этапом исполнения. В случае недостаточности взысканных средств для полного удовлетворения всех претензий пристав представлял деньги в окружной суд, который распределял их между кредиторами.

Полное уяснение функций суда в исполнительном производстве было бы невозможным без обращения к институту обжалования действий судебных приставов. В соответствии с судебными уставами кон-

троль за деятельностью судебных приставов осуществляли участники исполнительного производства. Они имели право в соответствии со ст. 330 Учреждения судебных установлений (далее — УСУ) подавать жалобы в суд «на личные действия и медлительность» судебных приставов или на основании ст. 962 УГС на неправильное исполнение ими судебного решения. Суд, в свою очередь, осуществлял гражданско-процессуальную проверку законности действий судебного пристава.

Личные действия пристава участники исполнительного производства обжаловали председателю того суда, при котором состоял судебный пристав, а в кассационных департаментах Сената — их обер-прокурорам.

Однако в России не сложилось единообразного понимания «личных действий» судебного пристава. А по данным сенатора А. Д. Носенко, который систематизировал сведения о практике рассмотрения этой категории жалоб в различных округах, оно порой было диаметрально противоположным. Так, одни суды рассматривали такими любые деяния судебных приставов, не предусмотренные в ст. 962, 966, 1202, 1204, 1205 УГС, другие только действия, вытекавшие из неправильного применения закона при исполнении судебного решения, третьи — связанные с неверным толкованием закона, четвертые — произвол, злоупотребление и вообще явное отступление от закона, пятые — незначительные действия, могущие повлечь исключительно выговор и не требовавшие дисциплинарного производства и др.¹⁰

Помимо явного разночтения нормы ст. 330 УСУ, прослеживалось также и смешение личных действий и действий по исполнению решений, что являлось следствием расширенного толкования ст. 330 УСУ. К негативным последствиям такой практики принадлежало не только нарушение закона и неправильное обжалование деятельности судебных приставов, но и ухудшение правового положения последних. Дело в том, что при обжаловании исполнительных дей-

ствий в порядке ст. 962 УГС существовал срок давности, а на жалобы, принесенные в порядке ст. 330 УСУ, он не распространялся. В результате на действия судебных приставов жалобы могли быть поданы в любое время, даже после завершения исполнительного производства, что, естественно, выступало в качестве дезорганизующего фактора, поскольку создавало повод для злоупотребления правом обжалования участниками исполнительного производства.

Выход мог быть только один, и он применялся в некоторых округах: при определении порядка рассмотрения жалобы отталкиваться от требования заявителя. Если последний ходатайствовал только о привлечении пристава к ответственности, жалобы разрешались в порядке ст. 330 УСУ. В том случае, если заявитель требовал отмены или изменения результата действий судебного пристава, тогда полагалось рассматривать жалобу в порядке ст. 962 УГС.

Жалобы на неправильное исполнение судебных решений полагалось подавать либо в суд, в чьем округе производились исполнительные действия, либо в суд, принявший решение. В последнем случае суд принимал к рассмотрению только те жалобы, в которых указывалось на неправильное толкование судебным приставом исполняемого решения. Во всех остальных случаях жалобы подавались суду, в округе которого исполнялось решение, так как к нему было удобнее всего обращаться сторонам, и ему подчинялся пристав, исполнявший решение. Под неправильным исполнением понималось либо допущение со стороны судебного пристава формальных процессуальных нарушений, либо искажение «материальной стороны исполнения, самого основания онога»¹¹.

Итак, после судебной реформы 1864 г. участие суда в исполнительном производстве сводилось в основном к осуществлению предварительного или последующего контроля за деятельностью судебного пристава. Предварительный контроль представлял собой обязательное санкциониро-

вание деятельности органов принудительного исполнения путем вынесения по просьбе заинтересованных лиц судебных определений. Суды принимали решение об обеспечении иска, отсрочке или рассрочке исполнения, разъясняли вынесенное решение для целей его исполнения. Последующий контроль выражался в рассмотрении жалоб на действия судебного пристава.

Заметим, что роль суда менялась в зависимости от стадии и даже вида взыскания. При наложении взыскания на движимое имущество судебный пристав обладал большими дискреционными полномочиями. Суд контролировал действия пристава, главным образом, рассматривая жалобы взыскателя или должника. В ходе наложения взыскания на недвижимость пристав имел меньше возможностей действовать по своему усмотрению, а контроль суда был более жестким и выражался не только в разбирательстве по жалобам, но и в проверке порядка ареста имущества, присутствии членов суда на торгах, утверждении результатов торгов и др.

Судебная реформа, изменив полномочия суда в исполнительном производстве, породила определенные противоречия, что свидетельствует об отсутствии последовательной концепции отделения органов принудительного исполнения от судов. Встречалось дублирование полномочий суда и судебных приставов. Например, вопрос о прекращении исполнительного производства решал суд, а вопрос об окончании исполнительного производства, которое включало вопрос и о прекращении исполнительного производства, разрешался судебным приставом.

Эффективность избранной модели исполнительного производства вызывала большие споры. Можно говорить о существовании двух разных процессов: судебного разбирательства и исполнительного производства. Если удавалось выиграть дело, то еще предстояло исполнить решение. Это была не простая задача. При совершении исполнительных действий приставы должны были соблюдать большое число формальных требований, что приводило к затягива-

нию производства. Это особенно ярко проявлялось при обращении взысканий на недвижимость, когда с момента вручения повестки об исполнении до продажи проходило два – три года за счет соблюдения до 25 различных процессуальных сроков.

Сами судебные приставы остались практически бесконтрольными, что породило злоупотребления с их стороны. А. Гольмстен, выражая доминировавшее мнение, отмечал, что «деятельность исполнительных органов судебной власти вызывала и продолжает вызывать в печати и обществе сильные нарекания. Основательность последних не может подлежать никакому сомнению. Кто хоть раз в жизни имел дело с судебными приставами, знает какие это деятели. Можно безошибочно сказать, что этот институт совершенно не удался редакторам наших уставов, – судебные приставы скомпрометировали, особенно в провинции, судебную реформу»¹².

Рассмотренный исторический опыт дает основание сделать вывод о необходи-

мости более тесной связи между судом, постановившим решение, и его исполнением. Важно сохранить и предварительный и последующий судебный контроль за действиями приставов. Большое значение имеет наличие единого механизма обжалования действий судебных приставов. Сложная система определения подсудности жалоб порождает серьезные препятствия для защиты прав участников исполнительного процесса и способствует росту правонарушений судебных приставов. Наряду с судебным контролем должны действовать иные способы проверки деятельности судебных приставов, что станет существенной гарантией соблюдения прав участников исполнительного производства.

Суд, вынесший решение, должен заботиться о его исполнении. По всей видимости, такой вариант институционализации функций суда в исполнительном производстве является наиболее предпочтительным для отечественной системы принудительного исполнения юрисдикционных актов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений на коих они основаны. – Ч. I. – СПб., 1867. – С. 430–601.

² *Вербловский Г.* Движение русского гражданского процесса, изложенное на одном примере. – СПб., 1905. – С. 192.

³ См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства. – 1915. – № 115.

⁴ См.: Решения гражданского департамента Сената за 1895 г. – № 93; То же за 1912 г. – № 34.

⁵ См.: Юридический вестник. – 1879. – № 9. – С. 695.

⁶ См: *Мальшев К.* Курс гражданского судопроизводства. – Т. 1. – СПб., 1876. – С. 77; *Анненков К.* Опыт комментария Устава гражданского судопроизводства. – Кн. V. – СПб., 1885. – С. 43; Решения общего собрания кассационных департаментов Сената за 1887 г. – № 12.

⁷ *Шимановский В. М.* О некоторых недостатках, встречающихся на практике при приведении решений в исполнение. – Казань, 1881. – С. 23.

⁸ См.: *Иванов В.* Оценка арестуемого имущества по уставу гражданского судопроизводства // Журнал гражданского и уголовного права. – 1877. – Кн. 3. – С. 126.

⁹ См., например: Собрание узаконений и распоряжений правительства. – 1893. – № 22. – Ст. 214.

¹⁰ См.: *Носенко А. Д.* Судебные приставы общих судебных учреждений. – Харьков, 1899. – С. 39–40.

¹¹ Объяснительная записка к проекту новой редакции Устава гражданского судопроизводства. – Т. IV. – Ч. 2. – СПб., 1900. – С. 57–58.

¹² *Гольмстен А.* Рецензия на работу Шимановский М. В. О некоторых недостатках, встречающихся на практике при приведении решений в исполнение по уставам 20 ноября 1864 года. Казань, 1881 // Журнал гражданского и уголовного права. – 1881. – Кн. 5. – С. 135.